

СЛАВЯНСКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД И ЕГО РОЛЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО МЕНТАЛЬНОМУ ЛЕКСИКОНУ

1. Введение

Психолингвистические исследования по ментальному лексикону до сих пор проводились преимущественно на материале английского языка (Sekerina 2008:1). Аналогичные эксперименты в области славянских языков представляют собой не только возможность проверки психолингвистических теорий, разработанных для английского языка, но и позволяют выявить и подвергнуть анализу языковые явления, свойственные исключительно славянским языкам и заслуживающие пристального внимания с психолингвистической точки зрения (Sekerina 2008:20f.). Одним из таких явлений, свойственных славянским языкам, является грамматическая категория вида глагола. В данной статье рассматривается роль этой категории в исследованиях по ментальному лексикону. При этом будет показано, какие проблемы возникают при использовании вида в проведённых исследованиях, а также будут предложены возможные пути дальнейших исследований.

2. Исследования по ментальному лексикону

Одно из направлений современной психолингвистики занимается языковыми знаниями, т.е. вопросом о том, как сохраняются языковые знания в когнитивной системе человека. Место хранения этих знаний называется «ментальный лексикон». Эта структура содержит всю информацию, касающуюся семантики слов и семантических отношений между языковыми единицами, форм их фонетической и, при определённых условиях, орфографической реализации, а также возможности их морфологической и синтаксической сочетаемости (Rickheit et al. 2007:60f.).

Как доказать, что ментальный лексикон содержит морфологическую информацию о единицах, его составляющих? С помощью т.н. экспериментов с подсказкой (англ. priming experiments) (обзор, напр., у Raveh, Rueckl 2000). В таких экспериментах испытуемый слушает или читает на компьютерном экране определённое слово и должен выполнить задание на лексическое решение (англ. lexical decision task), т.е. решить в отношении каждого стимула, русское это слово или нет. Измеряются правильность ответа и скорость реакции на стимулы, т.е. слова, используемые в исследовании. Стимул, который исследуется в эксперименте, называется «целевое слово» (англ. target). Ему предшествует другой стимул, «слово-подсказка» (англ. prime). Например, испытуемый слушает слово-подсказку *прибегать* и через несколько миллисекунд целевое слово *приходить*.

В эксперименте варьируются отношения между словом-подсказкой и целевым словом. В различных исследованиях было показано, что испытуемые лучше реагируют на целевые слова, которые связаны со своими словами-подсказками морфологическим образом, чем на целевые слова, никак не связанные со словом-подсказкой, напр.: *выключать* – *приходить* (ср. Drews 1996; Raveh, Rueckl 2000). Облегчение обработки целевых слов, следующих непосредственно за связанными с ними словами-подсказками (далее «эффект подсказки», англ. priming effect) объясняется тем, что одна из морфем целевого слова – в примере это приставка *при-* – является уже активированной посредством обработки предшествующего слова-подсказки (в примере: *прибегать*). Обработка целевого слова поэтому ускоряется.

Но как доказать, что причиной описанного эффекта подсказки является на самом деле общая морфема у слов *прибегать* и *приходить* (приставка *при-*), а не «только» их семантическая и орфографическая близость? Этому вопросу посвящён ряд психолингвистических работ. Например, Л. Фельдман и И. Московлевич (Feldman, Moskovljević 1987) на материале сербохорватского языка наблюдали эффект подсказки между морфологически связанными словами-подсказками и целевыми словами, несмотря на то что они были представлены испытуемым в форме различных алфавитов (кириллицы и латиницы), так что эффект орфографической близости был исключён.

На независимость эффекта подсказки от семантической близости между морфологически связанными словами указывает, например, Хендерсон и др. (Henderson et al. 1984, цитировано по Schriefers 1999:132). Варьируя промежуток между словами-подсказками и целевыми словами, они наблюдали эффект морфологической и семантической подсказки при промежутках различной длительности.

3. Репрезентация сложных словоформ в ментальном лексиконе

Одним из центральных вопросов в связи с ментальным лексиконом является вопрос о величине его единиц. Существует два основных предположения (напр., Prestin 2003; Schriefers 1999): согласно одному из них, каждая словоформа представляется отдельной единицей лексикона (англ. word-based models).

Результаты других психолингвистических экспериментов подтверждают предположение о том, что релевантной единицей ментального лексикона является не полная словоформа, а морфема (англ. morpheme-based models). Согласно этой теории, в процессе восприятия речи пониманию слова предшествует морфологический анализ, т.е. деление слова на отдельные морфемы.

Лучше всего результаты экспериментов объясняются комбинацией этих двух представлений. Согласно этой объединённой теории, ментальный лексикон содержит как целые словоформы, так и отдельные морфемы (англ. Dual-route models). Следовательно, при восприятии слова возможны два пути обработки информации: прямой доступ к целой словоформе слова и морфологический анализ. В этом направлении самыми значительными являются Augmented Addressed Morphology Model (AAM, напр., Burani, Caramazza 1987) и Morphological Race Model (MRM, напр., Frauenfelder, Schreuder 1992).

Если каждая сложная словоформа располагает ментальной репрезентацией как своей полной формы, так и отдельных морфем, то следует задать вопрос: от чего зависит, по какому пути происходит обработка словоформы?

4. Словоизменение и словообразование в ментальном лексиконе

Исследователи предполагают, что одним из факторов, воздействующих на выбор пути обработки сложной словоформы, является регулярность её образования. Во многих психолингвистических работах исследуются различия хранения в ментальном лексиконе сложных форм регулярного образования, т.е. словоизменения, и форм нерегулярного образования, т.е. словообразования.

В теоретической дискуссии мнения о том, существует ли явная граница между словоизменением и словообразованием, расходятся (см. Booij 2000). Подобным образом можно описать ситуацию и в исследованиях по ментальному лексикону: в психолингвистической сфере также существует противопоставление двух точек зрения. Согласно одной из них, отношение между словом и словоформой (напр.,

открывать и *открывает*) в ментальном лексиконе существенно отличается от отношения того же слова с одним из его лексических дериватов (напр., *открывать* и *открывалка*). Это рассуждение подтверждается результатами различных исследований, например, на материале английского (Stanners et al. 1979) и сербохорватского языков (Feldman 1994, Feldman, Fowler 1987, Feldman, Moskovljević 1987). В них наблюдались различные эффекты подсказки между словоизменительными и словообразовательными формами. Это различие объясняется авторами тем, что словоизменительные формы, по крайней мере, регулярно образованные, в процессе восприятия и обработки речи делаются на отдельные морфемы¹. В отличие от них дериваты, т.е. словообразовательные формы, воспринимаются путём доступа к их полной форме в ментальном лексиконе.

Согласно другому мнению, ментальная репрезентация этих двух типов отношений принципиально не различается. В таком случае возникает вопрос: а как тогда объяснить различия между реакциями испытуемых на словоформы и на дериваты в некоторых экспериментах? Эти различия приписывают таким факторам как семантическая прозрачность сложного слова, его частотность и продуктивность. Например, в эксперименте слово *открывает* является лучшим словом-подсказкой для целевого слова *открывать*, чем слово *открывалка*. Это наблюдение объясняется тем, что словоизменительная форма *открывает* является более прозрачной и частотной, и способ её образования продуктивнее, чем у слова *открывалка*. Следовательно, дериват, приближающийся к словоизменительной форме по степени семантической прозрачности, продуктивности образования и частотности, обрабатывается так же, как и словоизменительная форма.

Обоснование такой концепции дают, например, исследования на материале итальянского (Burani, Laudanna 1987) и английского (Raveh, Rueckl 2000) языков, а также иврита (Feldman, Bentin 1994).

Большая трудность в исследовании вопроса о различии между словоизменением и словообразованием состоит в разграничении факторов воздействия в экспериментах. Такими факторами являются семантические, морфологические и формальные (т.е. фонетические или орфографические) отношения между словом-подсказкой и целевым словом. Принадлежность сложной словоформы к словоизменению или словообразованию может также воздействовать на её обработку. Чтобы с уверенностью приписать эффект подсказки одному из этих факторов, напр., различию между словообразованием и словоизменением, необходимо привести в соответствие все остальные факторы. Но при словоизменении, как правило, семантика корневого слова, в отличие от словообразования, не меняется, а из морфем, чаще всего, меняется также только одна.

Как найти пары слов, идентичные по степени своей семантической, морфологической и формальной близости, и различающиеся лишь тем, что между членами одной пары отношение словоизменительное, а другой – словообразовательное? Если же в эксперименте невозможно варьировать только один из факторов, то также невозможно приписывать разницу в полученных результатах одному из варьирующихся факторов. В поисках решения этой проблемы некоторые исследователи обращались к категории вида славянского глагола.

¹ Однако некоторые исследователи, например, Н.А. Слюсарь (2004) на материале русского языка, показали, что способ хранения регулярно образованных сложных форм также зависит от частотности самой формы. Следы результатам Н.А. Слюсарь, частотные глагольные формы, например, 3. л. ед. ч., хранятся целиком, в то время как менее частотные формы, например, 2 л. ед. ч., при восприятии речи подвергаются морфологическому анализу (2004:181п.).

5. Славянский глагольный вид

В славянских языках глаголы обладают грамматической категорией вида. Как правило, каждому глагольному значению соответствуют две глагольные формы: глагол совершенного и глагол несовершенного вида². Оппозиция совершенной и несовершенной форм глаголов формально отражается в морфологической связи пар. Совершенные формы глаголов образуются префиксацией (напр., в русском языке *просить* > *попросить*), несовершенные формы суффиксацией корневого слова (напр., *открыть* > *открывать*).

Если признаётся грамматический статус категории вида, то подразумевается, что между видовыми партнёрами не существует семантического различия. В этом отношении категория вида сходна со словоизменительными категориями, как, например, с лицом глагола. Но в отличие от словоизменения носителем видового значения является не взаимозаменяемое окончание, а присутствие или отсутствие видового аффикса в грамматической основе. Поэтому Ф. Леманн (V. Lehmann) классифицирует вид как деривационную грамматическую категорию (Lehmann 2009).

Следовательно, привлекательность видовых пар для исследования ментального лексикона состоит в том, что они образуются путём грамматической деривации.

6. Славянский глагольный вид при исследовании словоизменения и словообразования

Используя категорию вида, Л. Фельдман (L. Feldman) провела исследование на материале сербохорватского языка (Feldman 1994). Л. Фельдман занималась вышеозначенным вопросом: есть ли различие в ментальном лексиконе между словоизменением и словообразованием? Она провела шесть экспериментов, среди которых были три эксперимента с подсказкой и с вышеупомянутым заданием на лексическое решение. Сравнивались реакции испытуемых на глаголы-целевые слова с предшествовавшей словоизменительной формой, с одной стороны, и с предшествовавшим видовым партнёром в качестве слова-подсказки, с другой. Т.е. видовой партнёр выступал в роли деривата и был противопоставлен грамматическому словоизменению. Надо отметить, что в статье есть некоторые неясности, поэтому исследование и его выводы приходится интерпретировать с осторожностью³. Л. Фельдман констатировала, что испытуемые реагировали быстрее на целевые слова с предшествовавшей словоизменительной формой, чем на целевые слова с предшествовавшим видовым партнёром в качестве слова-подсказки.

Исследование Л. Фельдман было повторено исследователями Г. Ечевым и П. Бертинетто (Jetchev, Bertinnetto 2002) на материале болгарского языка. Структура эксперимента была такой же, как у Л. Фельдман, но на этот раз реакции испытуемых при разных условиях значительно не различались.

Проблема при интерпретации этих исследований состоит в том, что пока даже в теоретической аспектологии природа категории славянского глагольного вида является спорной. Мнения о грамматическом статусе различных видовых пар в зависимости, во-первых, от способа формального образования видового партнёра и, во-вторых, от лексического значения глагола, сильно расходятся.

² Глаголы, обозначающие стативные ситуации (напр., *соответствовать*) и двувидовые глаголы не образуют видовые пары.

³ Во втором эксперименте, например, Л. Фельдман как слова-подсказки целевых слов, напр., *obare* (sic! ,они сварят') использовала видовые партнёры, напр., *barim* (sic! ,я варю'). Кроме вида здесь ещё варьировалось и лицо глагола. Это отмечают и Г. Ечев и П. Бертинетто (Jetchev, Bertinnetto 2002:162).

Г. Ечев и П. Бертинетто пишут:

[...] it is possible, that the limited impact of the contrast inflection vs. derivation in our materials was due to the non-prototypical nature of derivational processes in Slavic aspectual pairs. (Jetchev, Bertinnetto 2002:171)

Эта «не-прототипическая природа деривации славянских видовых пар» может быть причиной различий в результатах исследований Г. Ечева и П. Бертинетто и Л. Фельдман. В то время как Л. Фельдман использовала (сербохорватские) видовые пары, образованные как префиксацией, так и суффиксацией, Г. Ечев и П. Бертинетто выбрали (болгарские) видовые пары, образованные исключительно суффиксацией.

Некоторые аспектологи (напр., Isačenko 1968) не рассматривают префиксацию в качестве способа образования видовой пары. Но даже не принимая в расчёт такое радикальное мнение, очевидно, что не все видовые пары одинаковы. Вероятно, что различия между видовыми парами также воздействуют на их ментальную репрезентацию и обработку в ментальном лексиконе.

Следовательно, перед тем как использовать категорию вида при исследовании различий между словоизменением и словообразованием в ментальном лексиконе было бы необходимо установить природу самой категории вида, в том числе с психолингвистической точки зрения.

Изучением ментальной репрезентации русского вида глагола в когнитивной системе занимались М. Русакова и др. (Roussakova et al. 2002). В статье *On the mental representation of Russian aspect relations* (О ментальной репрезентации русских видовых отношений) обсуждается вопрос о репрезентации и обработке видовых пар как отдельных единиц или как форм одной и той же лексемь⁴.

М. Русакова и др. предоставляли испытуемым в качестве стимула различные глагольные формы и просили произвести другую форму этого же глагола, например, *скажет* в качестве стимула и *сказал* в качестве ожидаемой реакции. Скорость реакции не измерялась, но отклонения от ожидаемой формы вида в ответе были отмечены как «ошибки» (“mistakes” ibd. 307).

Исследователи обнаружили достаточно высокий процент ошибок. В таблице 1 (см. ниже) представляется список стимулов и количество правильных ответов в процентном отношении. Исследования проводились на материале одиннадцати глаголов. Каждый выбранный глагол был представлен участникам эксперимента в обеих видовых формах, но обе формы никогда не давались одному и тому же испытуемому:

⁴ Термин «лексема», по-видимому, используется исследователями в значении леммы, т.е. заглавного слова в словаре (Roussakova et al. 2002:306ff).

Стимулы несов. вида	Ожидаемая реакция	Ответы с глаголами несов. вида	Стимулы сов. вида	Ожидаемая реакция	Ответы с глаголами сов. вида
кидает	кидал	96 %	кинет	кинул	43 %
выдумывает	выдумывал	83 %	выдумает	выдумал	54 %
даёт	давал	64 %	даст	дал	50 %
бросает	бросал	85 %	бросит	бросил	41 %
помогает	помогал	92 %	поможет	помог	23 %
пускает	пускал	86 %	пустит	пустил	43 %
оскорбляет	оскорблял	83 %	оскорбит	оскорбил	50 %
решает	решал	85 %	решит	решил	54 %
обманывает	обманывал	76 %	обманет	обманул	50 %
срезает	срезал	83 %	срежет	срезал	60 %
бежит	бежал	84 %	пробежит	пробежал	36 %

Таблица 1. Список стимулов и количество правильных ответов (Roussakova et al. 2002)

На основании большого количества случаев, в которых вид глагола-стимула отличался от видовой формы, содержащейся в ответе, исследователи сделали вывод, что испытуемые не чувствуют никакой разницы между видовыми партнёрами. Это далее, по мнению авторов, подразумевает, что «по крайней мере некоторые видовые пары хранятся в ментальном лексиконе как одна лексема» (Roussakova et al. 2002:308).

Кроме того, легко обнаруживается, что меньшее количество ошибок было сделано у несовершенных стимулов, чем у совершенных. На основе этого авторы сделали вывод, что у совместно хранимых форм базовой формой является скорее несовершенная, чем совершенная форма глагола (ibid. 309). В следующем предложении авторы, однако, вносят поправки в ранее сделанный вывод: «The solution of the problem of the base form must not be uniform with all the aspectual pairs» (ibid. 309).

Наконец, можно отметить, что количество ошибок между парами значительно различается. Основываясь на этом наблюдении, авторы сделали вывод, что и степень близости между ментальными репрезентациями видовых партнёров существенно различается.

Представленная статья является одним из первых исследований ментальной репрезентации категории вида, в том числе и в русском языке. Но многочисленные вопросы остаются нерешёнными (ibid. 310).

7. Пути дальнейших исследований

Интересно проанализировать исследование М. Русаковой и др. с точки зрения теорий о русском виде глагола, с одной стороны, и о репрезентациях и обработке сложных словоформ в ментальном лексиконе, полученных в выше представленных экспериментах, с другой стороны.

В своём эксперименте М. Русакова и др. оперируют сравнительно небольшим количеством стимулов. Хотя авторы пишут, что пытались учитывать различные типы структурного и семантического соотношения между членами видовых пар, можно было бы оптимизировать количество пар и их видовое соотношение.

Глаголы-стимулы очень похожи друг на друга по типу формального и функционального отношения со своим видовым партнёром. За исключением пары *бежать* – *пробежать*, исходным глаголом всех пар является форма совершенного вида. Видовой партнёром образуется суффиксацией, например, в паре *выдумать* – *выдумывать* с помощью суффикса *-ыва-*. В аспектологии такие пары

являются наименее спорными. Было бы очень интересно сравнить с ними пары, у которых производный глагол образован префиксацией, например, *просить* – *попросить*.

С функциональной точки зрения стимулы также очень похожи. Все эти глаголы – предельные глаголы. Согласно теории Ф. Леманна (2009), это т.н. «события». Несовершенные дериваты таких предельных глаголов с лексической точки зрения – также предельные события, например, *выдумывать*, образованное от *выдумать*.

В отличие от «событий», морфологически немаркированные глаголы несовершенного вида – чаще всего непредельные. Согласно теории Ф. Леманна, это «процессы», например, *плакать*. При образовании совершенных форм от исходных непредельных форм, например, в случае *поплакать*, дериват действительно остаётся непредельным в лексическом плане, но на грамматическом уровне он превращается в событие. То есть, говоря словами М. Русаковой и др., такие видовые партнёры, как *выдумать* – *выдумывать*, ближе друг другу, чем видовые партнёры типа *плакать* – *поплакать*. Было бы очень интересно сравнить видовые пары разных степеней функциональной близости.

При рассмотрении исследования М. Русаковой и др. с точки зрения теорий о структуре ментального лексикона бросается в глаза, что авторами не учитываются существующие модели этой структуры и репрезентации в ней морфологических соотношений.

Вопрос в исследовании М. Русаковой и др. был таким: сохраняются ли видовые пары в ментальном лексиконе как одна лексема или как отдельные лексемы? Вопрос очень важный, но, к сожалению, авторы не переносят его на структуру ментального лексикона, они не включают в свою работу операционализацию теоретической концепции лексемы. На какую из теорий репрезентации сложных словоформ в ментальном лексиконе (см. главу 3) опирается исследование? Так как вопрос направлен к лексемам, т.е. к полным словоформам, можно предположить, что авторы опираются на те концепции, в которых каждая словоформа представлена отдельной единицей лексикона. Но принимая во внимание, что авторы и на самом деле следуют этой теории, остаётся неясным, почему случаи, в которых вид глагола-стимула отличается от видовой формы, содержащейся в ответе, интерпретируются как доказательство того, что видовые партнёры являются формами одной и той же лексемы. Результаты, безусловно, очень интересны, но несмотря на это, центральный вопрос остаётся открытым: какие когнитивные процессы происходят, но предположению авторов, при выполнении испытуемыми задания, т.е. при образовании другой формы глагола-стимула, например, *сказал* к стимулу *скажет*?

За вопросом М. Русаковой и др. о хранении видовых пар как одной лексемы или как отдельных лексем, возможно, скрывается вопрос о лексической или грамматической природе категории вида. Как было отмечено выше, в рамках психолингвистики большое внимание было уделено исследованию различий между грамматическим словоизменением и лексическим словообразованием. Большинство исследователей при этом исходит из того, что ментальный лексикон содержит как полные словоформы, так и отдельные морфемы. Исследователи пришли к противоречивым результатам. Но, скорее всего, словоизменяемые формы – из-за своей семантической прозрачности, частотности и продуктивного способа образования – при восприятии речи обрабатываются посредством деления на отдельные морфемы, в то время как лексические дериваты обрабатываются путём прямого доступа к их полным формам.

Вопрос о том, каким способом обрабатываются морфологически маркированные видовые партнёры, остаётся ещё не решённым. При исследовании этого вопроса необходимо принимать во внимание, что видовые пары значительно отличаются друг от друга с точки зрения формального и функционального соотношения между партнёрами. Вероятно, что эти различия и воздействуют на их репрезентацию в ментальном лексиконе. С формальной точки зрения, суффиксация могла бы походить на грамматическое словоизменение, так как она является регулярным способом образования видового партнёра, в то время как префиксация могла бы походить на лексическое словообразование.

Подобные гипотезы можно выдвигать с функциональной точки зрения. Видовые партнёры, представляющие собой события как на лексическом, так и на грамматическом уровне, могли бы походить на словоизменение; в то время как видовые партнёры, которые представляют собой процессы на лексическом уровне, а события на грамматическом, могли бы походить на словообразование.

Интересно было бы сравнить обработку видовых пар разных типов формальных и функциональных соотношений с обработкой словоизменительных форм, с одной стороны, и лексических дериватов, с другой стороны. Только так можно узнать, на какие из этих процессов похожи разные типы видовой деривации.

Выше отмеченные эксперименты с подсказкой часто используются, чтобы исследовать вопрос о грамматических или лексических отношениях между двумя единицами. Но результаты этих экспериментов противоречивы. Поэтому я предлагаю другой метод изучения природы русских видовых отношений, который похож на метод, использованный М. Русаковой и др.: метод так называемого «ускоренного производства речи» (англ. *speeded production*).

Как и в исследовании М. Русаковой и др. в эксперименте при помощи метода ускоренного производства речи испытуемым предлагаются языковые стимулы, к которым просят произвести как можно скорее другую грамматическую форму. Но в моём эксперименте, в отличие от исследования М. Русаковой и др., будет измеряться скорость реакции, так как именно она тесно связана с частотностью стимула. Так называемый «эффект частотности» (англ. *frequency effect*) состоит в том, что частотные слова в экспериментах, как правило, обрабатываются быстрее, чем редкие слова. Этот эффект является «одним из сильнейших результатов в психолингвистических исследованиях по визуальному распознаванию слов» (Schriefers 1999:135). Однако частотность воздействует только на те слова, которые хранятся целиком в ментальном лексиконе. В отличие от них между частотными и редкими словоформами, которые не хранятся целиком, а вместо этого в течение обработки подвергаются морфологическому анализу, не наблюдается эффект частотности (см. Clahsen et al. 2004). Следовательно, основываясь на присутствии или отсутствии эффекта частотности между частотными и редкими словоформами, можно сделать вывод относительно способа хранения этих форм в ментальном лексиконе.

Я планирую применить выше описанный метод при изучении русского вида глагола. В моём эксперименте испытуемым будут предлагаться простые глаголы, к которым они должны произвести видового партнёра, а также словоизменительную форму глагола-стимула (напр., 3.л. ед. ч.). В качестве стимулов будут использованы как частотные, так и редкие глаголы. Далее будут сравниваться видовые пары, образованные суффиксацией, с парами, образованными префиксацией. Также в эксперименте будут учитываться функционально различные видовые пары.

Анализ результатов и эффектов частотности может способствовать решению вопроса о репрезентации видовых партнёров в ментальном лексиконе, в том числе при сравнении со словоизменительными формами.

8. Заключение

Природа отношений между видовыми партнёрами славянских глаголов представляет собой не только спорный предмет аспектологии, но и вызывает интерес исследователей ментального лексикона. Видовые партнёры, образованные путём грамматической деривации, являются интересным материалом для исследования различий между грамматическим словоизменением и лексическим словообразованием в ментальном лексиконе.

В данной статье были рассмотрены исследования, в которых использовалась категория вида сербохорватского, болгарского и русского языков в психолингвистических экспериментах. При этом был сделан вывод, что пока проведено недостаточно исследований репрезентации видовых пар различных типов формальных и функциональных соотношений в ментальном лексиконе, в том числе и при сравнении со словоизменительными и словообразовательными формами. Как возможное решение данной проблемы я предлагаю метод ускоренного производства речи (англ. *speeded production*), основывающийся на эффекте частотности.

Научные выводы в этой сфере могли бы не только способствовать изучению ментального лексикона, но и осветить некоторые вопросы в дискуссиях о природе категории вида.

Литература

- Booij, G. 2000. Inflection and derivation. In: Booij, G. et al. (Hrsg.): *HSK Morphology*, том 1, Berlin-New York. 360-369.
- Burani, C., Laudanna, A. 1992. Units of representation for derived words in the lexicon. In: Frost, R., Katz, L. (ed.): *Advances in psychology: orthography, phonology, morphology and meaning*. Amsterdam. 27-44.
- Burani, C., Caramazza, A. 1987. Representation and processing of derived words. *Language and Cognitive Processes* 2, 217-227.
- Clahsen, H. et al. 2004. Speeded production of inflected words in children and adults. *Journal of Child Language* 31, 683-712.
- Drews, E. 1996. Morphological priming. *Language and Cognitive Processes* 11 (6), 629-634.
- Feldman, L. B. 1994. Beyond orthography and phonology: differences between inflections and derivations. *Journal of Memory and Language* 33, 442-470.
- Feldman, L. B., Bentin, S. 1994. Morphological analysis of disrupted morphemes: evidence from Hebrew. *Quarterly Journal of Experimental Psychology: Human Experimental Psychology* 47A, 407-435.
- Feldman, L. B., Fowler, C. A. 1987. The inflected noun system in Serbo-Croatian: lexical representation of morphological structure. *Memory and Cognition* 15, 1-12.
- Feldman, L. B., Moskovljević, J. 1987. Repetition priming is not purely episodic in origin. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 13 (4), 573-581.
- Frauenfelder, U. H., Schreuder, R. 1992. Constraining psycholinguistic models of morphological processing and representation: the role of productivity. In: Booij, G. E., van Marle, J. (ed.): *Yearbook of Morphology 1991*. Dordrecht. 165-183.
- Isačenko, A. V. 1968. *Die russische Sprache der Gegenwart. (Teil I Formenlehre)*. Halle (Saale).
- Jetchev, G., Bertinetto, P. M. 2002. Lexical access in Bulgarian perfective vs. imperfective verbs. In: Bendjaballah, S. et al. (ed.): *Morphology 2000. (Selected Papers from the 9th morphology meeting, Vienna, 24-28 February 2000.)* Amsterdam-Philadelphia. 161-173.
- Lehmann, V. 2009. Formal-Funktionale Theorie des russischen Aspekts: http://web.me.com/vl_hh/Website/Aspekttheorie.html (06.01.2011 10 Uhr).
- Prestin, E. 2003. Theorien und Modelle der Sprachrezeption. In: Rickheit, G. (Hrsg.): *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Psycholinguistik*. New York-Berlin. 491-505.

- Raveh, M., Rueckl, J. G. 2000. Equivalent effects of inflected and derived primes: long-term morphological priming in fragment completion and lexical decision. *Journal of Memory and Language* 42, 103-119.
- Raveh, M. 2002. The contribution of frequency and semantic similarity to morphological processing. *Brain and Language* 81, 312-325.
- Rickheit, G. et al. 2007. *Psycholinguistik*. Tübingen.
- Roussakova, M. et al. 2002. On the mental representation of Russian aspect relations. In: Bendjaballah, S. et al. (ed.): *Morphology 2000. (Selected Papers from the 9th morphology meeting, Vienna, 24-28 February 2000.)* Amsterdam-Philadelphia. 305-312.
- Schriefers, H. 1999. Morphologie und Worterkennung. In: Friederici, A. (Hrsg.): *Sprachrezeption*. Göttingen et al. 117-153.
- Sekerina, I. A. 2008. Building bridges: Slavic linguistics going cognitive. In: Franks, S., Andrews, E., Feldstein, R., Fowler, G. (ed.) *Slavic linguistics 2000: the future of Slavic linguistics in America. Glossos, 8. E-journal of the Slavic and East European Language Research Center*.
- Stanners, R. F. et al. 1979. Memory representation for morphologically related words. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 18, 399-412.
- Слюсарь Н. А. 2004. Организация ментального лексикона на примере русской глагольной морфологии (экспериментальное исследование). В: Андронов А. В. (Ред.) *Ученые записки молодых филологов. Вып. 2*. Санкт-Петербург. 176-184.

Summary

The question whether a fundamental distinction is made between inflected and derived complex word forms in language processing is one of the most contrarily discussed issues in mental lexicon research. Previous experiments on this issue have revealed the difficulty of balancing all possible interference factors, like e.g. semantic transparency between the inflection and derivation conditions.

In order to solve this problem, some researchers have made use of Slavic verbs, more precisely of their aspectual derivation. Slavic aspectual derivation resembles inflection in its high grade of semantic transparency, but differs from it regarding the type of suffixes and prefixes used. Hence, taking an intermediate position between inflection and derivation both the theoretical and the cognitive status of Slavic verbal aspect – the latter still unexplored – is a matter of debate among researchers. Consequently, before using aspect in order to explore the structure of the mental lexicon, more insight into the cognitive representation of the aspectual relations itself is required.

In this article the different approaches of psycholinguistic studies applying Slavic verbal aspect are analyzed and discussed. Based on a systematic theory of Russian aspect (Lehmann 2009), I present particular domains of further research and argue for concrete experiment designs required in this field.

Бохум

(christina.clasmeier@rub.de)

Кристина Класмайер